

ПУШКИН И ТОЛСТОЙ

История отношений Л. Толстого к творчеству Пушкина освещалась уже в целом ряде научных работ, как специально посвященных этой теме, так и работ общего характера¹. Из этого не следует, что тему можно считать вполне исчерпанной. Отношения Толстого к Пушкину отличались сложностью и противоречивостью, и в них до сих пор не все до конца прояснено. Отношения эти в научном смысле до сих пор составляют проблему. И проблему важную. Тем более важную, что проблема Толстой — Пушкин теснейшим образом связана с более общей и не менее трудной проблемой: Пушкин и русская литература XIX века.

Пушкин для русской литературы никогда не переставал быть явлением живой жизни. При этом к его творчеству обращались чаще всего и больше всего тогда, когда русское общество осознавало в себе подъем жизненных сил и особенную тягу к переменам, к движению вперед, к лучшему будущему. Кажется, что всякое стремление к обновлению в России не могло обходиться без Пушкина. При этом Пушкин не всегда признавался прямым «соучастником» совершавшегося. Живое отношение к пушкинской традиции в русской литературе выражалось не только в преклонении, в следовании за Пушкиным, но и в своеобразном отталкивании от него. Часто бывало так, что те самые люди, которые не видели необходимости пушкинского слова на путях обновления общества, все-таки нуждались в его поэзии и, главное, не могли забыть о ней. Они соизмеряли, иногда противопоставляли свои непушкинские стремления Пушкину и тем самым объективно признавали его неумирающее величие и содействовали, хотя и особым образом, вечному продолжению жизни пушкинской поэзии.

¹ См. об этом, например, работы Б. М. Эйхенбаума о Л. Н. Толстом; А. Г. Цейтлин. Евгений Онегин и русская литература. В сб.: «Пушкин — родоначальник новой русской литературы», М.—Л., 1941; В. Горная. Из наблюдений над стилем романа «Анна Каренина». О пушкинских традициях в романе. В сб.: «Толстой-художник», М., 1961; Э. Г. Бабаев. Роман Льва Толстого «Анна Каренина». Тула, 1968; Е. А. Маймин. В споре с учителем. ж. «Нева», 1962, № 2.

Не однозначное, полное противоречий отношение к творчеству Пушкина на протяжении многих десятилетий после его смерти, сложное усвоение его наследия последующими поколениями писателей следует признать фактом исторически знаменательным, ибо он доказывал самым наглядным образом, что Пушкин в разные эпохи всегда ощущался в потоке современной жизни, в тесной и живой связи с современностью.

Все это имеет прямое отношение и ко Льву Толстому.

Когда В. И. Ленин пишет, что «противоречия во взглядах Толстого — не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоёв русского общества в пореформенную, но дореволюционную эпоху»², — то этим, собственно, и поясняется, почему Толстого, писавшего о себе: «Все ломаюсь, мучаюсь, тружусь, исправляюсь, учусь; ...а всё не могу не разворачивать самого себя»³, — должны были связывать с Пушкиным отношения неровные и нелёгкие. Эти отношения отразили в своем развитии «резкую изменчивость... взглядов и... поведения»⁴ писателя.

Толстой понимал жизнь человека как «художественное произведение»⁵; его непростая связь с Пушкиным была своего рода «сюжетом», который наряду с другими, складывался в «произведение» его жизни, сосредоточивая в себе, как в части, всю сложность целого.

Признает ли себя Толстой продолжателем пушкинской традиции или полемизирует с ней — именно потому, что не может совсем от нее оторваться — он неизменно соприкасается с Пушкиным как с живым и необходимым явлением.

Толстой обращается к Пушкину в тот момент, когда занятия литературой начинают осознаться им как важное и нелёгкое дело, быть может, дело всей жизни. Больше всего желая «увериться в чем-нибудь твердо и неизменно»⁶, Толстой начала 50-х годов мучительно переживает сомнения в своем призвании, которые то подводят его к «великой громадной мысли» о создании «новой религии»⁷, то побуждают к составлению «истинной правдивой истории нынешнего века»⁸, всякий раз будто бы подсказывая то единственное, главное дело жизни, которое может стать ее целью и содержанием. Про-

² В. И. Ленин. Л. Толстой. В сб. В. И. Ленин о Л. Н. Толстом. М., 1969, стр. 27.

³ Переписка Л. Н. Толстого с русскими писателями. М., 1962, стр. 406.

⁴ Б. М. Эйхенбаум. О противоречиях Льва Толстого. В кн.: Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1960, стр. 229.

⁵ Л. Н. Толстой. Собр. соч. в 20 тт., т. 19. М., 1965, стр. 497. Далее цитируется по этому изданию.

⁶ Там же, стр. 81.

⁷ Там же, стр. 150.

⁸ Там же, стр. 101.

блема «что такое искусство?» решается молодым писателем как личный, глубоко касающийся его вопрос и, только уяснив себе, что целью существования может быть «добро, которое я могу сделать своими сочинениями», он готов признать, что «все-таки... преобладающее над всеми другими наклонностями и занятиями должна быть литература»⁹. Увлеченный первыми литературными опытами, Толстой, между тем, готовится быть «писателем *всеми* силами своей души»¹⁰, как готовятся к принятию высокого звания, понимая его по-пушкински: «слова поэта суть уже его дела»¹¹.

Толстой сошлется на это замечание Пушкина в конце жизни, но уже в дневниковых записях 1851 года содержится косвенное указание на то, что он читал статьи «Выбранных мест из переписки с друзьями», одна из которых содержит соответствующее высказывание поэта. Толстой словно бы вступает в ряды, где первым стоит Пушкин, и старается по нему равняться.

Пушкин интересуется его весь: как поэт и прозаик (в записях раннего Толстого немало рассуждений о том, что такое стихи и проза), собственно толстовская программа искусства составляется как бы с ведома и при участии Пушкина.

Интересно, что одно из первых высказываний Толстого о Пушкине носит отчасти критический характер. «Я читал «Капитанскую дочку», — записывает Толстой в 1853 году, — и увы! должен сознаться, что теперь уже проза Пушкина стара не слогом, — но манерой изложения. Теперь справедливо — в новом направлении интерес подробностей чувства заменяет интерес самих событий. Повести Пушкина голы как-то»¹².

Толстой замечает это, будучи автором одной повести и нескольких рассказов, и вследствие этого чувствуя за собой право судить прозаические произведения предшествующей литературы в соотнесенности со своими замыслами и со своим пониманием литературного дела.

Процесс познания Толстым Пушкина отражает сложную эволюцию в познании им самого себя. По-видимому, открытие пушкинской прозы с ее романтической напряженностью и сдержанной силой повествования могло и должно было совершиться не раньше, чем мироощущение писателя обрело свойства, присущие романисту, и создание романа сделалось глубокой творческой потребностью. Именно тогда в пушкинском отрывке «Гости съезжались на дачу...» все для Толстого «вдруг завязалось так красиво и круто, что вышел роман»¹³, ставший потом «Анной Карениной».

⁹ Т. 19, стр. 158.

¹⁰ Т. 17, стр. 272.

¹¹ Н. В. Гоголь. Сочинения. т. 4, М., 1889, стр. 18.

¹² Т. 19, стр. 117.

¹³ Т. 17, стр. 365.

Собираясь начать литературную деятельность «романом» («Четыре эпохи развития»), работая над «Романом русского помещика», Толстой, в сущности, был мало похож на романиста, каким он осознает себя впоследствии. Он занимается отделкой маленьких глав, каждая из которых «должна выражать одну только мысль или одно только чувство»¹⁴; постепенно уясняет себе основной принцип писания, который состоит в том, что «... надо каждое поэтическое чувство эпюизировать»¹⁵, в лиризме ли, в сцене ли, в изображении ли лица, характера или природы. План — второстепенное дело, то есть подробности плана»¹⁶.

Причисляя «Детство» к группе произведений, форма которых «совершенно оригинальная»¹⁷, поздний Толстой был точен: «Детство» осталось само по себе как отпечаток его творческого мира в особый, неповторимый момент самоопределения, разработки «существенных черт... таланта»¹⁸ — своеобразная предыстория будущих романов.

Чернышевский писал, что раннее творчество Толстого явилось только залогом того, «что совершит он впоследствии»¹⁹, в той же степени оно было «залогом» нового отношения к Пушкину, прозаическое наследие которого становилось Толстому тем ближе, чем далее он шел путем художественных завоеваний.

Пушкин, которого узнал Толстой-романист, был недоступен писателю в молодости, когда он искал в прозаических сочинениях отображение невидимого снаружи течения человеческой жизни, когда полагал, что в «Отрочестве» «внутренняя история» героя должна только «для разнообразия уступать место внешней истории лиц, его окружающих»²⁰. Качества, которые молодой Толстой считал столь необходимыми для писателя своего века, призванного быть психологом современной жизни, он не нашел в прозе Пушкина. Но это не значит, что он не нашел их в Пушкине вообще. Тот внутренний психологизм, который Толстой искал для себя, он обрел все в том же Пушкине, но не прозаике, а поэте, авторе поэм и, может быть, больше всего авторе «Евгения Онегина».

Лирический мир дневников, «Истории вчерашнего дня», автобиографической трилогии возник где-то рядом с интимной обстановкой «Евгения Онегина», которую создал поэт, присутствующий в романе «не только как автор, литературно существующий во всяком романе, а именно как персонаж,

¹⁴ Т. 19, стр. 126.

¹⁵ Изливать, исчерпать (фр.).

¹⁶ Л. Н. Толстой о литературе, М., 1955, стр. 41.

¹⁷ А. Гондельвейзер. Вблизи Толстого. М., 1922, т. I, стр. 93.

¹⁸ Н. Г. Чернышевский. Избранные литературно-критические статьи. Л., 1950, стр. 233.

¹⁹ Там же, стр. 237.

²⁰ Л. Н. Толстой о литературе, стр. 20.

свидетель, отчасти даже участник событий и историограф всего происходящего»²¹.

Создатель такой повести, которая «по своему смыслу вся должна стоять на психологических и лирических местах»²², страдающий от трудностей, вызванных необходимостью скрепить эти места прочной нитью сюжета («У меня есть большой недостаток — неумение просто и легко рассказывать обстоятельства романа, связывающие поэтические сцены») ²³, Толстой не мог не увлечься поэтической свободой романа в стихах, где автор передвигается легко и вольно, полагаясь только на свое художественное чувство, которое то стремится открыто излить себя в лирическом монологе, то прячется вглубь сюжета — объединяя собой неоконченные главы, пропуски — в единое цельное произведение.

«А где, бишь, мой рассказ несвязный?» — восклицал Пушкин.

Досадуя на себя за привычку к отступлениям, Толстой в то же время глубоко огорчен, заметив, что действие в «Отрочестве» «слишком последовательно во времени, а не последовательно в мысли»²⁴.

«...Да полно тебе писать *быстрые* повести с романтическими переходами, — писал Пушкин Бестужеву, — это хорошо для поэмы байронической. Роман требует болтовни...»²⁵ «Жду твоей новой повести, да возьми-ка за целый роман, — советует он в другой раз, — и пиши его со всею свободю разговора или письма...»²⁶.

Так намечался облик русского прозаического романа, который мог быть угадан Толстым по пушкинскому роману в стихах и затем явственно проступил некоторыми своими чертами как основа его собственных первых произведений.

В «Детстве» Толстой воспроизвел уже, в сущности, знакомый по «Евгению Онегину» характер взаимоотношений автора со своим созданием: характер, который складывается в процессе творчества и не только не утаивается от читателя, но, напротив, становится предметом художественного изображения. Между взрослым, «от автора» выступающим Иртеньевым и тем, что ему хочется высказать, налажена особого типа связь, осуществляющая себя через мир вымышленных героев и ситуаций. Характер ее меняется в процессе развития главного героя, мужания самого автора. «Неясно различая» в перспективе содержание «романа», который

²¹ Г. А. Гуковский. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957, стр. 166.

²² Т. 17, стр. 182.

²³ Т. 19, стр. 124.

²⁴ Там же, стр. 114.

²⁵ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 16 тт., т. 13, АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 180.

²⁶ Там же, стр. 245.

должен представлять собой «эпохи развития» Николеньки, Толстой ведет его через них, как Пушкин — Онегина, одновременно переживая свои «эпохи», рассказ о которых включается в произведение как его органическая, необходимая принадлежность.

В 60-е годы, в период создания «Войны и мира», Толстой опять сблизился с «Евгением Онегиным», теперь уже уловив для себя, как главное, не столько его лирическое начало, естественное для романа в стихах, сколько общественный интерес содержания, сообщающий поэтическому рассказу значение романа, как понимал его Пушкин: «В наше время под словом *роман* разумею историческую эпоху, развитую на вымышленном повествовании»²⁷.

«Поэзия» произведения стала заключаться для Толстого «в картине нравов, построенных на историческом событии»²⁸.

Этим был предопределен следующий шаг писателя: к созданию социального романа из современной жизни и к новому узнаванию пушкинской прозы.

Белинский однажды заметил о «Капитанской дочке», что это «нечто вроде «Онегина» в прозе»²⁹.

Можно сказать, что творчество Толстого на разных этапах своего существования так или иначе оборачивалось чем-то «вроде» «Онегина» — но «в прозе», что в конечном счете привело к сближению писателя с прозой Пушкина как таковой.

Толстой словно бы по-своему пережил творческую эволюцию поэта: от поэзии — к повести, через роман в стихах, запечатлев ее содержанием своего художественного развития.

Очевидно, что Пушкин всегда был рядом с Толстым, сопутствуя ему на пути исканий, то отдаляясь, то приближаясь к писателю, в зависимости от их направленности, но никогда не исчезая безвозвратно.

²⁷ Указ. соч., т. 11, стр. 92.

²⁸ Т. 19, стр. 269.

²⁹ В. Г. Белинский. Сочинения в 4 тт., т. 3, СПб, 1896, стр. 702.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА

ПРОБЛЕМЫ
ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЛЕНИНГРАД
1975